
РОМАНТИЗМ ПРОТИВ РОМАНТИЗМА: ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАДОКСЫ ПОЭЗИИ ТИМУРА КИБИРОВА

К.Н. Анкудинов

Кафедра литературы и журналистики
Адыгейский государственный университет
ул. Первомайская, 208, Майкоп, Адыгея, Россия, 385000

В работе определяются особенности романтического мировоззрения. Эти особенности выявляются и исследуются в поэзии известного российского постмодернистского поэта Тимура Кибирова, выступавшего против романтизма. Автор работы приходит к выводу о принадлежности Тимура Кибирова к романтизму. Приводится пример аналогичного парадокса, связанного с высказываниями русского поэта-романтика XIX века В. Кюхельбекера.

Ключевые слова: романтизм, романтическое мировоззрение, антиромантизм, Я, не-Я, Тимур Кибиров, Кюхельбекер, поэзия, конфликт, парадокс.

В отечественной поэзии рубежа 80—90-х годов XX века имел место сильнейший выпад против романтизма, выразившийся в двух знаковых стихотворениях Тимура Кибирова — «К вопросу о романтизме» (1989) и «Послание Ленке» (1990).

Этот факт побуждает исследователя попытаться выяснить, какие смыслы в слово «романтизм» вкладывал Тимур Кибиров, а какими смыслами можно истолковать это слово безотносительно к «кибировской» интерпретации.

В научный обиход устойчиво вошел термин «романтизм», обозначающий «направление в искусстве (и, в частности, в литературе), ограниченное конкретно-историческими рамками последнего десятилетия XVIII — первой половины XIX веков». Можно ли расширить содержание этого термина, допуская существование «романтизма вне романтизма», «романтизма после романтизма»? Некоторые литературные критики и ученые XIX и XX веков придерживались положительного ответа на данный вопрос. Так, В.Г. Белинский, относившийся к романтизму неоднозначно, но все же скорее позитивно, нежели негативно, посвятил вторую главу объемной статьи «Сочинения Александра Пушкина» Карамзину, «карамзинскому периоду русской литературы», Дмитриеву, Крылову, Озерову, Жуковскому, Батюшкову и романтизму в целом. В этой главе В.Г. Белинский всемерно расширил содержание понятия «романтизм» и фактически ликвидировал его исторически-временные и даже концептуальные границы.

«Романтизм — принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзии: его источник в том, в чем источник и искусства и поэзии — в жизни. Жизнь там, где человек, а где человек, там и романтизм. В теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца. В груди и сердце человека заключается таинственный источник романтизма; чувство, любовь есть проявление или действие романтизма, и потому почти всякий человек — романтик» [4. С. 115].

В советском (и постсоветском) литературоведении существовали различные точки зрения на допустимость использования концепта «романтизма после романтизма», в том числе точки зрения, безусловно признающие данный концепт [3]. Присутствие в новейшей литературе количественно мощного романтического пласта заставляет нас выделить из всей совокупности значений термина «романтизм» дополнительную коннотацию — романтизм как особое, специфическое *мировоззрение*.

На основании наработок предшественников — исследователей XIX—XX вв. мы имеем возможность выделить три основополагающие черты романтического мировоззрения (формирующего романтические тексты):

1) бытие четко разграничивается на два антагонистических начала — на Я и не-Я («романтический дуализм»);

2) самостоятельность Я обеспечивается безусловным признанием свободы Я («романтическое свободоположение»);

3) центральным предметом рефлексии авторского сознания становится трагическое взаимодействие между Я и не-Я («романтический конфликтоцентризм») [1].

В советской поэзии 80-х годов XX века, относящейся к «перестроечному пулу», бесспорно присутствовали романтические тенденции. Так, романтиком (анархистского извода) был Александр Ерёмченко с его «ироническим пантехницизмом» [2].

Тимур Кибиров прославился как создатель многочисленных (и очень объемных) стихотворных коллажей преимущественно на советско-идеологическую и советско-бытовую тематику. В этих текстах Кибиров отстраняюще осваивал эстетику различных предшествующих литературных направлений — анакреонтического классицизма («Рождественская песнь квартиранта»), сентиментализма (две «Эклоги» из цикла «Стихи о любви», «Песня из кинофильма „Филалет и Мелодор“» и др.), разнообразных советских дискурсов (цикл «Любовь, комсомол и весна» и др.). «Антиромантик» Тимур Кибиров не был чужд (конкретно-историческому) романтизму. В некоторых текстах он обращался к эстетике романтизма исключительно в травестийных целях (как, например, в «Прологе» к «Русской песне»: «Как некий Чайльд-Гарольд, в печали беззаконной / я озираю аэропорт» [б. С. 263] и т.д.). В других кибировских текстах сквозь стилизационные ходы упорно просвечивала романтическая праоснова: в них романтизм переставал быть одной лишь постмодернистской игрой, восстанавливая собственные неигровые смыслы. Особенно показательна в этом плане «Баллада о деве Белого плеса» (1988), написанная по сюжетной канве романтических баллад XIX века [б. С. 213—217].

Напрашивается вопрос: может ли принципиальный, демонстративный антиромантик написать романтический текст? Нет ли в этом противоречия?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо задать иной, смежный вопрос. Как в ранней поэзии Тимура Кибирова обстоят дела с романтизмом — не в коннотации «романтизма как конкретно-исторического направления со своей эстетикой

и со своим полем семантики», а в коннотации «романтизма как романтического мировоззрения»? Чтобы решить вопрос о наличии (или об отсутствии) романтического мировоззрения в раннем творчестве Тимура Кибирова, необходимо рассмотреть политические взгляды этого поэта в период второй половины 1980 — начала 1990-х годов. Ведь в это время Кибиров проявлял себя как «политический поэт» по преимуществу. При некоторой ностальгичности стихотворения-коллажи Кибирова перестроечных времен были последовательно направлены на беспощадное осмеяние, идейную деконструкцию и (в перспективе) уничтожение советской системы. Тимур Кибиров был не только «демократом», но еще и «либералом» (т.е. сторонником возрождения «дооктябрьской России», восстановления частной собственности и капитализма). При этом Кибиров был более «либералом», чем «демократом». Официальный курс на гласность вызывал у него нарастающее раздражение (напрямую высказанное в стихотворении «Ветер перемен», в цикле «В рамках гласности» [б. С. 85—87], в других текстах 1886—1887 гг.). Кибиров считал гласность «ловушкой для толпы», отвлекающей говорильней. В предисловии к циклу «О любви» (1988), в стихотворении «От автора» [б. С. 207—209] Тимур Кибиров демонстративно отказался от сочинения политических стихов и от участия в политической деятельности, декларируя выбор в пользу «частной жизни». На деле он не перестал быть политизированным поэтом.

Однако эта психологическая трансформация выражалась в поэзии Тимура Кибирова на основании определенного образного сценария. Чтобы выявить данный сценарий, достаточно сопоставить строки из двух кибировских стихотворений, противоположных по идеологическому посылу, но аналогичных по исходной «лирической сюжетике».

Дурак! При чем тут Вассерман!
Ты сделай мне пирке!

Пощупай ребра — где тут жир?
Я не с него бешусь.
Пока надеюсь, я дышу.
Я не зажрался, нет!

Как на ладони весь я тут,
я маленький совсем.
Я в кулаке твоём пишу
и смысла в нём ищу.

Я не стилига! Нет, поверь!
Я совесть не пропил!
Дурак, при чем же тут бордель!
Чухотка да Сибирь!

Чухотка да Сибирь, вот так,
Такой я вижу знак.

(«Послесловие к книге “Лирико-дидактические поэмы”», 1986) [б. С. 62—63].

Ах, прораб мой, барачного духа прораб,
твой черед, выходи на парад!
Посчитаться с хозяином мертвым пора!
Ну же, с богом, товарищ! Ура!
Твой черед, балаболка, твои времена,
не задерживай добрых людей!
Но меня ты в покое оставь, дуралей,
потому что не пес я по крови своей,
И хозяина нет у меня!
Так что низкий поклон, Перестройка, тебе
и тебе, дорогой КГБ!
Если Кушнер с политикой дружен теперь,
Я могу возвратиться к себе!

И теперь, наконец, я могу выбирать:
можно «Из Пиндемонта» с улыбкой шептать,
можно Делии звучные гимны слагать,
перед Скинией Божьей плясать!
С Цинциннатом в тряпичные куклы играть,
цвет любимых волос и небес описать,
эту клейкую зелень к губам прижимать,
под Ижоры легко подъезжать!

Так что дудки, товарищи! Как бы не так!
В ваши стойла меня не загонишь никак!
Я не ваш, я ушел. Я не пойман, не вор!
До свиданья, до встречи, дурак!

(«От автора», предуведомление к циклу «О любви», 1988) [6. С. 208—209].

В двух этих текстах Кибиров противопоставляет собственное Я враждебному не-Я, прибегает к одному и тому же приему риторического обращения: персонифицирует не-Я в обобщенной оппонентной фигуре, вступает с ней в диалог, и даже бранит оппонента (оппонентов) одинаково — «дурак». Однако не-Я в этих двух случаях различно. В первом случае не-Я — это «государственная система СССР», олицетворенная образом «советского охранителя», пытающегося выявить мотивировки неожиданной смелости Я. Я отвергает все расхожие мотивировки не-Я («Я не зажрался...», «Я не стилиага», «Я совесть не пропил») и выдвигает собственную мотивировку, базирующуюся на трагической модели конфликта и предрекающего себе «чахотку да Сибирь». Во втором случае не-Я — «актуальная политика», персонифицированная в образе крикливого «прораба перестройки», старающегося мобилизовать Я на «идейные битвы гласности». Я отказывается от этой перспективы, выбирая частную жизнь и «тайную свободу». В обоих случаях Я восстает на более сильного противника («Я в кулаке твоём пишу...», «...выходи на парад»), и этот противник (не-Я) — системен. Тотальной системе не-Я (охранительской либо разоблачительской) противостоит одинокое несистемное Я.

Но ведь мировоззрение, противопоставляющее одинокое несистемное Я тотальной системе не-Я, это и есть *романтическое мировоззрение*.

Обратимся к первому из «антиромантических» текстов Тимура Кибирова — к стихотворению «К вопросу о романтизме». Оно открывается стилизованно (и даже утрированно) воспроизведенной установкой провокации романтического конфликта между Я и не-Я.

И скучно и грустно. Свинцовая мерзость.
Бессмертная пошлость. Мещанство кругом.
С усами в капусте. Как черви слепые.
Давай отречемся! Давай разобьем
оковы! И свергнем могучей рукою!
Гори же, возмездья священный огонь! [6. С. 269]

Эта «точка провокации» становится поводом для демонстрации пламенного «романтического» (псевдоромантического) нарратива.

На волю! На волю из душной неволи!
На волю! На волю! Эван эвоэ!
Плесну я бензином! Гори-гори ясно!
С дороги! Филистер, буржуй и сатрап!
Довольны своей конституцией куцей?
Печные горшки вам дороже, скоты?
Так вот же вам, вот! И посыпались стекла [6. С. 269].

«Романтизм» здесь ассоциируется с комплексом негативных признаков: с разрушительными устремлениями, с революционностью и антибуржуазностью, с антирелигиозностью, с анархией и хулиганством, с неуправляемой жадностью насилия (идейного, физического и сексуального), с культом nihil-Я и «родимого Хаоса», с дионисизмом, демонизмом и большевизмом. На протяжении четырех страниц выплескивается сей нехитрый нарратив — стихотворение Кибирова объемно и, откровенно говоря, статично и однообразно. При первой своей публикации оно вызвало неодобрительное недоумение у критиков; так Вячеслав Курицын оценил это стихотворение как «простейшее издевательское воспроизведение агрессивно-романтической мирокрушительной идеологии, исполненное, к тому же, крайне неизобретательно» [7. С. 205—206]. Полагаем, что эти критики не обратили внимания на некоторые тонкие детали парадоксального финала стихотворения.

И вот я окно распахнул и стою,
отбросив ногою горшочек с геранью.
И вот подоконник качнулся уже...
И вдруг от соседей пахнуло картошкой,
картошкой и луком пахнуло до слез.
И слюнки текут... И какая же пошлость
и глупость какая! И жалко горшок
разбитый. И стыдно. Ах, Господи Боже!
Прости, дурака! Накажи сопляка
за рабскую злобу и неблагодарность!

Да здравствуют музы! Да здравствует разум!
Да здравствует мужество, свет и тепло!
Да здравствует Диккенс, да здравствует кухня!
Да здравствует ленкин сверчок да герань!
Гостей позовем и картошки нажарим,
бокалы наполним и песню споем! [б. С. 272—273]

Подобное ироническое «прозрение романтика-бунтаря» с итоговым возвращением к «родному печному горшку» (кстати, как правило, подаваемое в режиме «романтической иронии» — т.е. романтическое по сути) часто встречается в западной и отечественной литературе — оно восходит к комическим рефлексиям трикстеров в мифах. Гораздо значимее в данном тексте Тимура Кибирова «фактор наррации». Кто здесь является героем-нарратором? Из чьих уст исходит монолог, являющийся стихотворением «К вопросу о романтизме»? Упоминание «Ленки» (реальной личности, имеющей самое прямое отношение к реальному Тимуру Кибирову) делает ответ на эти вопросы очевидным: герой-нарратор стихотворения — сам поэт, Тимур Юрьевич Кибиров собственной персоной. Он не разоблачает «романтизм» во внешнем бытии от лица условно-сатирической «маски»; он борется с ненавистным «романтизмом» в себе, изживая его. Ввиду этого обстоятельства становится понятно, почему «романтизм», описываемый Кибировым, носит столь отталкивающий и карикатурный характер. Если перед личностью ставится задача изжить, уничтожить, вытравить нечто (некое подсознательное «Оно») в себе, в этом случае демонизация изживаемого начала — закономерное и естественное явление. Поэтому ожидаемо появление второго «антиромантического» текста Тимура Кибирова — стихотворения «Послание Ленке» (той самой реальной Ленке, упоминающейся в рассмотренном выше тексте «К вопросу о романтизме»). В этом тексте (также написанном «от собственного лица») процесс интерполяции «романтизма», процесс выведения «романтизма» за пределы собственной личности полностью завершен. Все проявления «романтизма» соотносятся автором текста не с собственным Я, а с социумом вовне Я.

В первой строфе «Послания Ленке» Тимур Кибиров выдвигает характеризующую окружающий социум тезу: «канарейкам свернувши головки, / здесь развитой романтизм воцарился, быть может, навеки. / Соколы здесь, буревестники все, в лучшем случае — чайки» — и предлагает свою антитетическую (антиромантическую) модель поведения, противостоящую этой скверной тезе: «Леночка, будем мещанами!... Будем с тобой голубками с виньетки» [б. С. 317]. Надо сказать, обрисовываемая Кибировым картина мира, в котором «развитой романтизм воцарился, быть может, навеки», впечатляющая и устрашающая...

Здесь, где царит романтизм развитой, и реальный и зрелый,
здесь, где штамповщик любой, пэтэушник, шофер и нефтяник,
и инженер, и инструктор ГУНО, и научный сотрудник,
каждый буквально позировать Врубелю может, ведь каждый
здесь клеветой искушал Провиденье, фигнею, мечтою
каждый прекрасное звал, презирал Вдохновенье, не верил
здесь ни любви, ни свободе, и с глупой усмешкой
каждый глядел, и хоть кол ты теши им — никто не хотел здесь
благословить ну хоть что-нибудь в бедной природе.

Вот вам в наколках Корсар, вот вам Каин фиксатый и Манфред,
вот, полюбуйтесь, Мельмот пробирается нагло к прилавку,
вот вам Алеко поддатый, супругу свою матерящий.

Здесь на любой танцплощадке, как минимум две Карменситы,
здесь в пионерской дружине с десятком Манон, а в подсобке
здесь Мариула дарит свои ласки, и ночью турбаза
стонет, кричит Клеопатрой бесстыжей!... И каждый студентик
литинститута здесь знает — искусство превыше морали [б. С. 318—319].

В приведенных цитатах из кибиrowsкого текста слово «каждый» встречается пять раз; в полном тексте оно используется шесть раз. К этому можно добавить такие слова-характеристики, как «любой» (встречается два раза), «все», «навекки», «невозможно» (эти слова используются по разу), а также эффектный образ «плацдарма... среди стихии бушующей». Автор текста отводит «буйству стихии» семьдесят последних лет («...и колобродящей 70 лет на великом просторе...»), связывая «стихию» с большевистским правлением. Но если «романтизм развитой, и реальный и зрелый» с «пэтэушниками, шоферами и нефтяниками», «Каинами фиксатыми и Манфредами», «Карменситами танцплощадок» и «студентиками литинститута» столь *тотален*, если романтиком является *каждый*, это значит то, что «романтизм по Кибирову» это... типичное романтическое не-Я. Отметим, что бурная стихия не-Я в кибиrowsком тексте дополнительно персонифицируется (индивидуализируется) образом «командировочного гидротехника-богоискателя из Фрунзе» с его «достоевской» пьяной истерикой и матом [б. С. 319—320]. Этому хаотическому ужасу множества «романтических» (псевдоромантических) «Я» шоферов и гидротехников, складывающихся в единое тотальное не-Я, противостоит самостоятельное (по Фихте) авторское («мещанское») Я, которое романтично по сути, по базовому мировоззрению, но при этом *антиромантично* по заданной идеологии.

Жить-поживать будем, есть да похваливать, спать-почивать будем,
будем герани растить и бегонию, будем котлетки
кушать, а в праздники гусика, если ж не станет продуктов —
хлебушек черненький будем жевать, кипяток с сахаринчиком.
Впрочем, Бог даст, образуется все. Ведь не много и надо
тем, кто умеет глядеть, кто очнулся и понял навеки,
как драгоценно все, как все ничтожно, и хрупко, и нежно,
кто понимает сквозь слезы, что весь этот мир несуразный
бережно надо хранить, как игрушку, как елочный шарик,
кто осознал метафизику влажной уборки [б. С. 320—321].

Налицо парадокс. Решительный антиромантизм Тимура Кибирова при тщательном рассмотрении оказывается *романтизмом*, а «романтизм» в кибиrowsком понимании — не более чем отдельные инварианты романтизма, к которым романтизм как таковой отнюдь не сводится. Впрочем, подобный парадокс не нов. В истории отечественной литературы (и в истории отечественного романтизма) имели место прецеденты такого же рода...

...В 1824 году во втором номере альманаха «Мнемозина» вышла скандально воспринятая статья Вильгельма Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», расцененная современниками как сильнейший выпад против господствовавшего в тогдашней поэзии романтизма.

Сила? Где найдем ее в большей части своих мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведений? У нас все *мечта* (здесь и далее курсив наш — К.А.) и *призрак*, все *мнится* и *кажется*, и *чудится*, все только *будто бы*, *как бы*, *ничто*, *что-то*. Богатство и разнообразие? Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие» [8. С. 35—36].

Советские исследователи упорно выталкивали Вильгельма Кюхельбекера за пределы романтизма, причисляя этого пушкинского друга, декабриста, поэта и теоретика литературы то к «поздним классицистам» (как А. Гуревич [5]), то к «младшим архаистам» (как Ю. Тынянов [9]). Между тем в лексиконе В. Кюхельбекера понятие «романтизм» всегда несет позитивное значение. Вильгельм Кюхельбекер никогда не ругал романтизм (подобно М. Каченовскому, И. Снядецкому и прочим «литературным староверам»), не отрицал его (как Н. Надеждин), не отталкивался от него (как А. Пушкин и другие авторы пушкинского круга) и не объявлял романтизм «мнимым термином», следствием понятийного недоразумения (как К. Рылеев).

Негативная реакция В. Кюхельбекера на «элегическую школу» В. Жуковского и его последователей есть не что иное, как реакция «русского Гейдельберга» на «русскую Иену», конфликт *внутри* романтизма. Собственно говоря, такая реакция ожидаема, поскольку запрограммирована сущностными различиями между двумя «волнами» европейского романтизма. «Первая волна» европейского романтизма типологически близка к сентиментализму, романтическое мировоззрение представителей этой «волны» — довольно расплывчатое и мечтательное; базовый жанр «первой волны» романтизма — элегия. К тому же, «первая волна» романтизма проникнута «тоской по мировым ценностям» и потому вполне космополитична по духу. «Вторая волна романтизма» более жестка, конфликтна и националистична. Она парадоксально совмещает бунтарские, революционные идеологические интенции с архаизирующим вектором в жанрово-стилистическом и лексическом планах. В парадигме «второй волны романтизма» возможно освоение творческого наследия классицизма — скажем, повторное обращение к таким сугубо классицистическим жанрам, как «публицистическая ода», сатира и трагедия.

Известны натянутые взаимоотношения между «иенскими романтиками» и «гейдельбергскими романтиками»; еще более известно враждебное отношение Дж.Г. Байрона к предшествовавшей «озерной школе» романтиков (особенно к Р. Саути). Однако вражда Байрона и «лейкистов» не дает основания вывести Байрона за пределы романтизма. Точно так же и В. Кюхельбекер, отрицая «элегический романтизм» школы В. Жуковского, не покидает поле романтизма; он всего лишь противопоставляет господствовавшему на тот момент в русской литературе варианту романтизма — *другой* вариант романтизма. Поэтому для Кюхельбекера

«настоящий романтик» — это национал-архаист П. Катенин, а близкие к европейскому сентиментализму и недостаточно национальные В. Жуковский и Е. Баратынский для этого теоретика литературы — «самозванцы-романтики», псевдо-романтики.

Аналогично Тимур Кибиров, гневно обрушиваясь на «романтизм», имеет в виду нигилистическо-богоборческий романтизм; однако сам Кибиров последовательно транслирует не что иное, как... *романтизм* — романтизм иного типа.

Тимур Кибиров был непоследовательным романтиком. Он проделал сложную идейную и эстетическую эволюцию, продолжая и в наши дни заниматься поэтическим творчеством. В более поздних стихах Тимура Кибирова романтическая компонента почти не ощущается. Нынешний Тимур Кибиров — типичный «христианско-консервативный поэт», довольно далекий от романтического дискурса. Впрочем, такая эволюция не нова для истории романтизма. Достаточно вспомнить биографии Франсуа-Рене де Шатобриана или Августа-Вильгельма Шлегеля, чтобы удостовериться в этом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анкудинов К.Н. К вопросу о содержании методологического концепта «романтизм после романтизма» // Вестник Адыгейского государственного университета. — Вып. 1 (144). — 2013. — С. 18—23.
- [2] Анкудинов К.Н. Романтизм в творчестве Александра Ерёмко // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие. Материалы международной научной конференции Вып. 2. — Майкоп: АГУ, 2013. — С. 42—48.
- [3] Анкудинов К.Н. Спор о новом романтизме. Концепт «романтизма после романтизма» в советской журналистике и литературоведении 60—80 гг. XX века // Литрос. — 2009. — № 10. — С. 159—165.
- [4] Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 тт. Т. 6. — М.: Художественная литература, 1981.
- [5] Гуревич А. Романтики или «классики»? (Заметки о поэзии декабристов) // Вопросы литературы. — 1966. — № 2. — С. 9—10.
- [6] Кибиров Т. Сантименты. Восемь книг. — Белгород: Риск, 1994.
- [7] Курицын Вяч. Недержание имиджа // Вестник новой литературы. — 1994. — № 7. — С. 199—213.
- [8] Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие // Мнемозина. — 1824. — № 2. — С. 29—38.
- [9] Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. — Л.: Academia, 1929.

LITERATURE

- [1] Ankudinov K.N. K voprosu o sodержanii metodologicheskogo koncepta «romantizm posle romantizma» // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. — Vyp. 1 (144). — 2013. — S. 18—23.
- [2] Ankudinov K.N. Romantizm v tvorchestve Aleksandra Erjomenko // Kross-kul'turnoe prostranstvo literaturnoj i massovoj kommunikacii: genezis i razvitie. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Vyp. 2. — Majkop: AGU, 2013. — S. 42—48.
- [3] Ankudinov K.N. Spor o novom romantizme. Koncept «romantizma posle romantizma» v sovetsoj zhurnalistike i literaturovedenii 60—80 gg. XX veka // Litros. — 2009. — № 10. — S. 159—165.

- [4] *Belinskij V.G.* Sobr. soch. v 9 tt. T. 6. — M.: Hudozhestvennaja literatura, 1981.
[5] *Gurevich A.* Romantiki ili «klassiki»? (Zametki o poezii dekabristov) // *Voprosy literatury*. — 1966. — № 2. — S. 9—10.
[6] *Kibirov T.* Santimenty. Vosem' knig. — Belgorod: Risk, 1994.
[7] *Kuricyn Vjach.* Nederzhanie imidzha // *Vestnik novoj literatury*. — 1994. — № 7. — S. 199—213.
[8] *Kjuhel'beker V.K.* O napravlenii nashej poezii, osobenno liricheskoj v poslednee desjatiletie // *Mnemozina*. — 1824. — № 2. — S. 29—38.
[9] *Tynjanov Ju.N.* Arhaisty i novatory. — L.: Academia, 1929.

**ROMANTICISM AGAINST ROMANTICISM:
THE DISCURSIVE PARADOX
IN THE POETRY BY TIMYR KIBIROV**

K.N. Ankudinov

The Governmental University of Adugion
The Department of Foreign Languages and Literature
Pervomayskaia, 208, Adugeia, Maykop, Russia, 385000

The article describes the features of romantic poetry by famous Russian postmodernist poet Timyr Kibirov. The author notes that the poet speaks against romanticism, but at the same time the author argues that Timyr Kibirov — a romantic poet. A similar paradox can be found in the works of another Russian romantic poet of the nineteenth century, V.K. Kuchelbecker.

Key words: romanticism, romantic narrative, anti-romanticism, I, non-I, Timur Kibirov, Kuchelbeker, poetry, conflict, paradox.